

ражение закономерного с точки зрения марксистско-ленинской теории стремления буржуазно-помещичьего режима перевести сельское хозяйство на капиталистические рельсы. Хотя и подчёркивалось, что реформа, проводимая вопреки интересам большинства крестьянства, потерпела крах.

Эти положения, нашедшие отражение в 1930–1940-е годы на страницах учебников А. В. Шестакова, А. М. Панкратовой, П. И. Кабанова, К. В. Сивкова²⁶, были базовыми для школьной программы и на протяжении десятилетий изменений не претерпевали²⁷. Так, в позднесоветский период на страницах учебника И. Б. Берхина и И. А. Федосова, выдержавшего в 1970–1980-е годы более десяти изданий, столыпинская реформа рассматривалась как фактор, ускоривший развитие капитализма в сельском хозяйстве и, таким образом, усиливший классовые противоречия в деревне (предпосылка революции)²⁸.

Такое отношение к Столыпину нашло выражение как в историографии, так и в художественной литературе. Несомненны заслуги советской историографии в исследовании конкретных сюжетов, связанных с жизнью и деятельностью Столыпина: стоит в первую очередь отметить работы С. М. Дубровского, А. Я. Авреха, С. М. Сидельникова, В. С. Дякина и других историков. Между тем, вводя в оборот огромный фактический материал, они оставались в рамках господствующих воззрений, а основной темой их занятий являлась аграрная реформа. Характерно, однако, что даже такой убеждённый марксист, как Арон Яковлевич Аврех (1915–1988), исследуя «столыпинский бонапартизм», относился к своему герою с определённым сочувствием.

Показательны характеристики Столыпина, данные в популярной исторической беллетристике брежневских времён. В целом позитивные оценки «реакционера» содержатся в текстах одного из самых читаемых авторов последней четверти прошлого века — Валентина Саввича Пикуля (1928–1990), в частности в романах «Нечистая сила» (1979) и «Честь имею» (1986). Вот отрывок из «Нечистой силы», в котором на фоне разлагающейся российской бюрократии Пётр Аркадьевич представлен личностью прямо-таки выдающейся: «Столыпин думал: «Странные типы окружают меня». Сейчас ему было 44 года... Человек ещё крепкий. Молодцеват. Всегда при галстукке. Воротничок с лиселями. Кончики усов заливчатски вихрились, вздыблены. Столыпин выделялся из тол-

пы, был чрезвычайно колоритен. Именно он составлял сейчас фон власти, на котором фигурка Николая II казалась мелкой и жалкой, словно карикатура на самодержавие. Пётр Аркадьевич Столыпин был реакционер до мозга костей, но порою он мыслил радикально, силясь разрушить в порядке вещей то, что до него оставалось нерушимо столетиями. Карьера Столыпина вписывалась в русскую историю звончато, как мелодия гвардейского марша. Этот реакционер был цельной и сильной натурой — не чета другим бюрократам; угловатая и резкая тень Столыпина заслоняла царя, терявшегося в неуютных сумерках бездарности...»²⁹

ПОЧЕМУ СТОЛЫПИНУ «ПОВЕЗЛО»?

В постсоветской историографии уже не раз отмечалось, что Столыпину «повезло», поскольку к его образу в посткоммунистическую эпоху в равной степени апеллируют и национал-патриоты, и либералы в поисках политического идеала³⁰. Начиная с 1991 года вновь многократно переиздаются тексты его публичных выступлений³¹. Основной круг источников коллективной памяти 1990–2000-х годов рисует позитивный образ Петра Столыпина. Важно, что в школьных учебниках истории 1990–2010-х годов даётся в целом положительная оценка деятельности Столыпина³². Хотя в ряде случаев и не без оговорок, связанных с тем, что результаты реформ с точки зрения социальных и политических последствий были неоднозначными³³. Тот же образ транслируется в документальных и художественных кинофильмах, идеологическое содержание которых в целом также различно (укажем, например, на документальный фильм «Николай II» из проекта Леонида Парфёнова «Российская Империя», художественные ленты «Столыпин. Невыученные уроки» и «Империя под ударом»).

Разумеется, можно предположить, что эти источники сами в какой-то степени реализуют социальный (и политический) заказ на создание позитивного образа Столыпина. Однако аналогичную картину даёт и выборка среди наиболее читаемых в течение последней четверти века нарративных источников, многие из которых были созданы ещё в советский период. При этом среди текстов, транслирующих преимущественно позитивный образ Столыпина, присутствуют работы авторов, очевидно имеющих очень разное видение истории России в целом, — Константина Федина, Анато-

лия Рыбакова, Пикуля, Василия Ключевского, Александра Солженицына, Эдварда Радзинского и других³⁴. Несмотря на то, что рейтинг Петра Аркадьевича среди исторических личностей, отражённых в наиболее читаемых текстах, не очень высок (13–17 позиция), нет ни одного популярного текста, в котором его образ носил бы ярко выраженный негативный характер. Таким образом, Столыпин очевидно является местом *консенсуса исторической памяти*.

***

Первоначально образ Столыпина формировался под влиянием идеологической пропаганды различных общественно-политических сил. Ещё при жизни премьера основными элементами его образа были русский националист, государственный деятель, борец за свободу, слуга царя, защитник помещиков и вершитель буржуазных реформ. Реальная политика не могла вместить столь различные исторические формулы: в литературе общим местом является утверждение о том, что к моменту гибели Столыпин оказался в политической изоляции. Однако превратить слабые места (внутренние противоречия) в сильные позволила смерть: каждая политическая сила отныне могла конструировать память о премьерe по-своему, без оглядки на политические метания ушедшего героя.

Примечательно, что один из наиболее системных образов Столыпина был создан его радикальными политическими оппонентами — большевиками. Этот образ отводил ему поистине историческую роль человека, безуспешно пытавшегося спасти целую социально-экономическую формацию. Такой подход обеспечил сохранение памяти о Столыпине как о выдающемся политическом деятеле. Неудивительно, что в момент краха марксистской исторической парадигмы общественное сознание естественным образом обратилось к этой фигуре и сразу же оказалось в плену медийного образа, созданного ещё в начале XX века, а Столыпин оказался *местом консенсуса* национальной памяти в почётном ряду с Пушкиным, Толстым и Александром Невским. С этой точки зрения весьма закономерно, что Сталин, «отец народов» (который, несмотря на свою популярность, всё же является ярко выраженным *конфликтным объектом* исторической памяти), уступил в соревновании за «имя России» «серебро» «премьеру-богатырю».

г. Санкт-Петербург